

Валерий Фокин: «Политизировать театр – бессмысленно!»

Художественный руководитель Александринского театра уверен, что спектакли могут и отвлекать и развлекать

Независимая 2004-21 сент. - с. 6.

Екатерина Ефремова
Санкт-Петербург

Ровно год назад руководитель Мейерхольдовского центра в Москве Валерий Фокин занял пост художественного руководителя Александринского театра. Судьба этого театра после приглашения московского «варяга», несомненно, складывается весьма удачно. По крайней мере, старейший российский театр, по словам самого Валерия Фокина, «вышел на международную арену»: его «Ревизора» уже увидели зрители Европы, Америки и Японии. А празднование 250-летнего юбилея театра, которое должно состояться в будущем сезоне, похоже, будет проходить на самом высоком государственном уровне с постановлением правительства, научными конференциями и европейским театральным фестивалем.

Бегун на длинную дистанцию Валерий Фокин.

Фото Петра Кассина (НГ-фото)

- Валерий Владимирович, когда вам год назад предложили возглавить Александринку, уже существовал Мейерхольдовский центр. По каким причинам вы согласились взвалить на себя еще одну ношу?

– В России, так сложилось исторически, есть три национальных драматических театра – Малый, МХАТ и Александринский. Я был уверен, что смогу помочь, и по прошествии года моей службы убедился, что не ошибся, поскольку оказался востребован мой опыт: и режиссерский и административный. Вторая причина – творческая. Работа в экспериментальном центре, подобном Центру Мейерхольда, должна иметь еще и приток совершенно иных, если можно так сказать, академических сил. Одно должно питать другое. Актеры этой труппы должны выступать не только в классических постановках, но и в экспериментальных работах даже, может быть, по современной драматургии. Да и режиссеры, которые будут работать на новой сцене, должны будут работать и на основной. Вот это переливание творческой крови и даст гарантию жизни театра.

– В логике ваших размышлений, приглашая в штат Александринского театра режиссера-авангардиста Андрея Могучего, вы предлагаете ему роль Мейерхольда, которая всколыхнет традиционный театр?

– Ну, с Мейерхольдом, конечно, сравнивать не надо, но то, что он должен дать какую-то новую энергию и обновленную реакцию, – на это я очень надеюсь. Думаю, что работа в театре на постоянной основе даст ему возможность сконцентрироваться, а то, что это

один из самых перспективных режиссеров в Петербурге, – в этом я убежден.

– А из кого вы выбрали: если говорите «один из самых», значит, вы его сравниваете с кем-то?

– Да, и он не очень молодой человек: ему уже сорок лет. Собственно говоря, ситуация с этим поколением режиссеров в Петербурге намного хуже, чем в Москве. Я вижу, как остальные режиссеры однажды вспыхивают ярко, но как только «наступает» второй спектакль, так интерес к нему сразу же остывает. Трудная профессия: бег на длинную дистанцию, а дистанция – вся жизнь, иногда нужно быть в группе лидеров, иногда отойти назад, иногда рвануть вперед... это

может учиться у нескольких людей и даже явлений: фильмов, книг, жизни, наконец.

– Предполагаете ли вы кому-то из них предложить постановку в Александринском театре?

– Мне хотелось бы, чтобы это были петербургские режиссеры. Не верю, что в этом городе нет или не будет способных молодых режиссеров. Еще пять-шесть лет назад активно назывались фамилии Козлова, Дитятковского, Туманова, Смирнова... В этом отношении Москва отставала: там не было молодой режиссуры. А сейчас по тем или иным причинам ситуация изменилась кардинально.

– Известно, что вы собирались сотрудничать с Рус-

с происходил до и после того, что изображено на картине. Театральную презентацию мюзеев в виде «живых» картин можно сделать, но на это нужно время – это же режиссерская работа, а я не могу сейчас этим заниматься, я буду репетировать Достоевского, а впереди – юбилей Александринки.

– После событий в Беслане невозможно обойти вопрос: что может сделать в этой ситуации культурная элита?

– Люди, которые занимаются культурой, могут только одно – отстаивать принципы серьезного классического искусства. Второе направление, которым может заняться театр, – это развлечение, это не мое направление, я этого не исповедую. Но в принципе я понимаю, что можно и отвлечь, развлечь зрителя – только талантливо! – на уровне шоу, оперетты, музыкального театра. Но одна из основных традиций и нашего театра, и нашей культуры – это все-таки созидание человека: вот этим мы можем заниматься. Нужно вернуть интерес к серьезному психологическому театру, который, к сожалению, уже угасает, хотя старый зритель еще сохранен. Главное – чтобы молодежь почувствовала интерес к театру, в том числе и к классическому. Вот в это мы можем внести серьезную лепту.

– А как вы относитесь к политическому театру?

– Думаю, что политизировать театр, как когда-то это было, – бессмысленно. Можно поставить спектакль про терроризм, как в Москве во МХАТе идет спектакль по пьесе братьев Пресняковых «Терроризм», – это часть нашей жизни: безумие охватило мир. Когда я говорю, мир покати́лся вниз, то я и это имею в виду, прежде всего: все разрушено.

Переливание творческой крови дает гарантию жизни театра

непросто. За ним я прежде всего вижу мощный культурный слой – и это для меня важно, за другими видно в основном самовыражение. Они образуют некий язык, который я называю «постмодернистскими отрывками», – стебовой язык, который через пять-десять минут становится ясен и скучен, видимость энергии, ритма, движения...

– У вас существуют ученики-режиссеры?

– В течение нескольких лет я занимаюсь в Центре Мейерхольда с молодыми режиссерами, в этом смысле я могу называть их своими учениками: я их учу. Среди них есть способные люди. Хотя я считаю, что это неправильно – режиссер

ским музеем: получилось ли что-нибудь из этого проекта?

– Мы провели совместную презентацию выставки один раз в Нижнем Новгороде. Идея заключалась в том, чтобы театрализованно представить музейную выставку, но в конце концов все свелось к банальному концерту. Приехали петербургские силы: кто-то прочел монолог, кто-то спел романс, выступил балет Эйфмана... Я-то имел в виду другое: артисты «работают» некий сюжет на тему картины, такой спектакль в миниатюре...

– ...в котором изображение становится мизансценой?

– Грубо говоря, мы можем сочинить некий сюжет, который